

А. А. Панков¹

**ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ
СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы определяется прежде всего тем, что «Украина как целостность продолжает искать свою культурную, этническую и религиозную идентичность, без которой невозможно сконструировать безопасный и устойчивый порядок, базирующийся на адекватном представлении о мотивах и целях социальных субъектов, их культурных и религиозных предпочтениях, попытках отыскать себе подобных в социальном пространстве или же дистанцироваться от неприятных, навязанных общностей» [18, с. 225]. Нас в данном случае интересуют не только религиозная идентичность Украины, поиск которой весьма затруднён в ситуации полирелигиозности и поликонфессиональности современного мира; в ситуации активной миссионерской деятельности зарубежных религиозных (в первую очередь, протестантских) организаций; в ситуации глубокого внутриорганизационного кризиса в самых различных религиозных организациях; но также взаимосвязь этих процессов с национальной безопасностью Украины.

Прежде всего, необходимо отметить, что в современной Украине, в условиях явного дефицита консолидирующих идей, политическая элита страны питает весьма большие надежды на православие как на интегрирующий фактор в украинском обществе. Но эти надежды не вполне согласуются с современной ситуацией экуменического постмодернизма. Здесь весьма любопытно отметить, что эту ситуацию, вслед за сформулировавшим её немецким теологом Г. Кюнгом [9] признают и некоторые православные священнослужители. «Мы живем в эпоху всевозрастающего международного пространства, стремительно расширяющейся всемирной ойкумены, объединяемой множе-

¹ Панков Олександр Анатольевич - кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології інституту соціальних наук ОНУ ім. І.І. Мечнікова.

ством политических, экономических, культурных, религиозных сообществ в единую универсалистскую цивилизацию», — говорил в ходе Круглого стола «Время церкви», проходившего в 1996 г. в Москве игумен Игнатий (Крекшин) [5, с. 3]. Главное, что вытекает из этого определения, так это понятие «универсалистской цивилизации» и понимание необходимости считаться с подобной ситуацией. А также и то, что эти понятие и понимание исходят из православной среды, поскольку именно отечественное православие в целом упорно не соглашается с реальностью подобной ситуации.

Здесь же следует указать, что и украинская государственная вероисповедная практика, невзирая на прямое лоббирование своих интересов православными церквами (которых становится все больше и каждая из которых «претендует на монопольную репрезентацию всего украинского православия» [4, с.5], обязана учитывать эту реальность.

Тем более, что здесь возникает вопрос, как быть со статусом государственной церкви для какого бы то ни было религиозного объединения в контексте того, что формально продекларированные в Конституции Украины принципы взаимоотношений государства с религиями по существу воспроизводят так называемую американскую модель этих взаимоотношений? Эта модель, предполагающая принципы несомненной светскости государства, абсолютного правового равенства религий (да и вообще духовно-мировоззренческого плюрализма), в настоящее время в наибольшей степени адекватна современной глобальной религиозной ситуации. И именно она, на наш взгляд, должна быть фактически реализована в Украине, поскольку может позволить «развязать» многие современные проблемы развития религий². Её реализация необходима и в контексте проблемы национальной безопасности Украины.

Следует отметить, что так называемое религиозное «возрождение» (мы настаиваем на условности и относительности применения этого понятия по отношению к современной Украине) и функционирование традиционных для страны церквей (прежде всего, конечно, православных, но не только) происходят в условиях внешне весьма активной миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций. Эта деятельность — результат глобализационных процессов, появления новых информационных сетей и сво-

---

² Л. С. Рязанова предлагает подобную модель государственно-церковных отношений называть «моделью отделения» и совершенно справедливо отмечает, что эта модель утвердилась не только в США, но и в Нидерландах и, особенно, во Франции [21, с.510]. Но, по нашему мнению, в США эта модель сформировалась раньше и более естественным путём, нежели в Нидерландах и во Франции. Именно и только поэтому мы называем эту модель государственно-церковных отношений «американской».

боды передвижения, благодаря которым религиозные сообщества больше не могут оставаться закрытыми для внешнего влияния. Зарубежные религиозные организации вышли за привычные (хотя не всегда «исконные») границы своей жизнедеятельности и ведут свою миссионерскую деятельность в новых и довольно часто совершенно незнакомых условиях. И здесь следует сказать, что обеспокоенность их проникновением на так называемую «территорию канонического православия», проявляемая в первую очередь, разумеется, представителями самого православия, видящего в них конкурента на рынке религиозных идей, а также порой и специалистами-социологами, которые считают, что «религиозные организации, связанные с чуждой культурно-цивилизационной идентичностью, в ситуации внутреннего или внешнего кризиса или конфликта, могут поддерживать политическую оппозицию, сепаратистские движения или страну-оппонента, не учитывая собственные национальные интересы» [19, с. 84], на наш взгляд, не имеет под собой серьезных оснований. Как показывают многочисленные социологические исследования, с протестантизмом (а именно протестантские конфессии ведут наиболее активную миссионерскую деятельность) в современной Украине себя идентифицирует незначительное (в сравнении с православной самоидентификацией) число верующих. Да и те, на наш взгляд, являются представителями отечественных протестантских общин, а отнюдь не «новообращённые» зарубежными протестантскими миссиями. Такая же ситуация наблюдается и в отношении нетрадиционных религиозных организаций, которые также ведут определённую миссионерскую деятельность. Объясняется это, как ни удивительно, тем, что зарубежные протестантские миссионеры недостаточно адаптированы к реальным условиям современной Украины и игнорируют её специфику. В то же время раздражение от определённых миссионерских технологий (сходных с агрессивным маркетингом) переносится и на отечественных протестантов. Отсюда вытекает вывод, о том, что реальной угрозы протестантских миссий ни традиционным конфессиям Украины, ни обществу в целом не существует, а «успех протестантизма и неопротестантских харизматических направлений», о котором пишет Л. С. Рязанова [20, с. 406] – успех весьма и весьма относительный.

Говоря об условности и относительности применения понятия «религиозное возрождение» в отношении современной Украины, мы, конечно же, не можем не согласиться с тем, что в начале 90-х г. г. отмечалась небывалая до тех пор (да и невозможная) активность различных религиозных конфессий, проявившаяся в резком увеличении количества религиозных организаций, разнообразии конфессионального спектра и росте религиозной само-

идентифікації. Но, починаючи приблизно з 1995 г. спостерігається спад динаміки по всім вищеперерахованим напрямкам. І за останні вісім років зростання релігійної самоідентифікації, кількості релігійних організацій і різноманітності конфесійного спектра практично припинилися. Це підтверджується порівняльним аналізом результатів репрезентативних досліджень релігійної ситуації в г. Одесі 1995 і 2003 гг.

11–16 жовтня 2003 г. в г. Одесі Южно-Українським відділенням Соціологічної асоціації України з використанням для збору інформації мережі Одеського соціологічного інформаційно-дослідницького центру «Пулс» за наказом Управління інформації Одеського горсовета було проведено репрезентативне опитування дорослого населення на тему «Соціальна ситуація в Одесі: осінь 2003 року». Опитувано 599 осіб, фактична похибка вибірки не перевищала плюс/мінус 4,1 %. Відокремлений блок питань, розроблений автором даної статті, було присвячено дослідженню релігійної ситуації в г. Одесі.

Згідно даним цього опитування, більшість дорослого населення (51 %) вважає себе віруючими. Приблизно третина (32 %) важко визначити своє ставлення до релігії. Не віруючих – меншість (17 %). По даним проведеного в грудні 1995 г. загальногородського репрезентативного дослідження (за керівництвом викладачів кафедри соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова Е. В. Князевої, М. Б. Кунавського і автора даної статті), віруючих також було 51 %. Затруднилося визначити своє ставлення до релігії 19 %, а не віруючих було 28 %. Як ми бачимо, кількість віруючих за останні вісім років не змінилася. Зменшення кількості не віруючих сталося за рахунок збільшення кількості людей, які важко визначити своє ставлення до релігії. Це свідчить про розширення потенціальної аудиторії, до якої апелюють різні конфесії в ході своєї місіонерської діяльності, але яка, однак, дуже неефективна.

Серед віруючих основна маса – православні всіх трьох найбільш масових на Україні юрисдикцій (46 %). Серед православних більше тих, хто відносить себе до православної церкви Московського патріархату (30 %). Тут слід відзначити, що нами навмисно була введена в перелік православних юрисдикцій Російська православна церква Московського патріархату. В дійсності такої юрисдикції в Одесі немає. Але є дуже велика кількість людей, які продовжують вважати Православну церкву єдиною і невіддільною, а також – не бачать різниці між російською і українською православними церквами. 17 % віруючих віднесли себе до УПЦ (МП),

а 13 % — к РПЦ МП. Вполне обоснованным будет предположение о том, что многие православные верующие не понимают различий и между Киевским и Московским патриархатами. Во-первых, к УПЦ Киевского патриархата себя причисляет 15 % православных одесситов, в то время как в Одессе и Одесской области имеется лишь несколько храмов этой юрисдикции. Можно предположить, что они идентифицируют себя с этой юрисдикцией, но, во-вторых, даже среди тех, кто номинально причисляет себя к УПЦ Киевского патриархата, официальную ориентацию этой церкви на как можно более быстрое достижение полной независимости от Московского патриархата разделяют только небольшая часть (13 %). Почти половина назвавших себя принадлежащими к УПЦ КП (46 %) по существу выступают за такие же отношения с Московским патриархатом, как и большинство тех, кто обозначил себя как принадлежащего к Русской либо Украинской православной церкви Московского патриархата.

Интересно в данном случае то, что и по результатам социологических исследований, проводившихся в г. Николаеве Центром по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт» (руководитель — Л. П. Белоконь) в период 1992–2000 гг., «далеко не все православные знают о существовании в Украине трёх православных церквей. Даже те, которые регулярно, не реже одного раза в месяц посещают церковь» [3, с. 409].

Важно было также выяснить, насколько существенное место заняла религия в жизни людей на уровне повседневной практики. Всего 6 % верующих ответили, что основные обряды своей религии они выполняют более или менее регулярно. Для сравнения отметим, что в 1995 г. таких было 11 %, то есть наблюдается уменьшение числа «практикующих» верующих. Также всего 6 % верующих регулярно читают священные книги своей религии.

В пользу утверждения о том, что основной формой религиозности является «заявленная религиозность» свидетельствует большой процент людей эпизодически участвующих в религиозных обрядах и ритуалах (44 %). Следует сказать, что, по мнению даже православных социологов, самая значительная часть православных христиан — это так называемые «ритуалисты», то есть люди, время от времени участвующие в религиозных обрядах и, как правило, не знающие их смысла [8, с. 241–262].

Любопытно, что за восемь лет в Одессе не изменилось число сторонников Украинской греко-католической (униатской) церкви — 1 % (по Украине таковых 9,1 %), римско-католической — 1 % (по Украине — 1,3 %), протестантизма — 1 %, иудаизма и ислама — по 1 %, нетрадиционных религиозных движений — 1 %. Особенно это удивляет в отношении протестантских

и нетрадиционных религиозных движений, учитывая миссионерско-пропагандистскую деятельность различных протестантских и нетрадиционных религиозных организаций. Существует устойчивое мнение о росте удельного веса различных протестантских церквей в общеукраинской конфессиональной структуре. Но, мы уже отмечали, что «из того, что каждая пятая религиозная община в Украине образована протестантами, не следует, что каждая пятая часть верующих страны — протестанты. Большинство протестантских общин у нас малочисленны» [6, с. 292]. Чаще всего происходит «перетекание» верующих из одних протестантских общин в другие. Особенно это касается вновь образованных общин.

К возможным причинам спада динамики численного роста различных религиозных организаций можно отнести так называемое «насыщение» состава этих организаций. То есть можно предположить, что религиозные организации уже «выбрали» всех своих последователей. И здесь может скрываться ещё одна (возможно, даже основная) причина малоэффективности внешне мощных миссионерско-пропагандистских кампаний различных, в первую очередь протестантских, религиозных конфессий. В отношении протестантских организаций можно также вспомнить наше предположение о том, что «пропаганда протестантских миссионеров рассчитана на средний класс, который как таковой отсутствует в социальной структуре современного украинского общества» [7, с.150].

Что касается малочисленности нетрадиционных религиозных движений (далее — НРД), то в качестве одной из её причин следует, на наш взгляд, назвать по преимуществу негативное отношение к их деятельности в общественном мнении. Это мнение обусловлено тем, что в СМИ, в основном, представлены негативизм и нетерпимость по отношению к НРД. Основные обвинения против НРД касаются разрушения ими семей. Именно члены семей обращаются в различные инстанции с целью вернуть того из близких, кто стал адептом одного из нетрадиционных религиозных объединений. В общем постановка проблемы справедлива, но её суть не в том, что люди присоединяются к нетрадиционной религиозной группе, а в том, что человек вообще бросает семью ради чего-то иного. Безусловно, люди, «потерявшие» своих близких, вызывают сочувствие, но эту проблему нельзя увязывать лишь с «нечистоплотными» методами привлечения адептов в ряды нетрадиционных религиозных объединений. Известно, что положение «брось всё и иди за Мной» есть смысл практически всех религий мира. Равно как и все религии стремятся тотально влиять на сознание и поведение человека, а не только лишь так называемые «тоталитарные секты». Понимание этого

в СМИ, освещающих деятельность НРД абсолютно отсутствует. Отсутствует также понимание того, что возникновение и становление нетрадиционных религиозных групп — это объективный процесс становления рынка религиозных идей XXI в. и того, что в большинстве стран мира процесс их вращивания в социокультурную реальность уже приобрёл стабильные тенденции.

Среди факторов, влияющих на формирование общественного мнения об НРД, является позиция традиционных для Украины церквей. Например, для православия характерно под определение НРД относить и те религии, которые в религиоведении рассматриваются в качестве «старой нетрадиционной религиозности» (например, свидетелей Иеговы, мормонов, пятидесятников и некоторых других) [1, с. 31]. Известно, что в тесном взаимодействии с представителями православных церквей функционировали так называемые «антикультовые» организации (например «Порятунок»), дававшие с православно-богословской точки зрения рекомендации по распознаванию нетрадиционных религиозных объединений, а также аргументы в подтверждение того, что быть православным лучше, чем последователем иной религии.

Как нам представляется, в этой ситуации необходимо существование информационных центров, в которых можно было бы получить консультации независимых экспертов по вопросам деятельности тех или иных НРД. Полезным было бы и издание подобными центрами информационных бюллетеней, объективно освещающих деятельность НРД. Хотя «пробить» негативное отношение населения к представителям НРД было бы чрезвычайно сложно. Как мы уже отмечали, «расширение информационного пространства в рамках общества не влечёт за собой автоматического расширения и углубления информационного поля сознания» [11, с.16].

Следует также отметить, что выросло число людей, назвавших себя верующими, но не принадлежащих ни к одной определённой церкви (общине) — 24 % против 19 % в 1995 г.. Это подтверждает наше мнение о том, что одной из основных тенденций трансформации современной религиозности является её внеконфессионализация [13, с. 222].

Анализируя межконфессиональную структуру города Одессы можно сказать, что, во-первых, даже те религии, которые принято считать традиционными для нашей страны, находятся в структуре общественного сознания жителей нашего города на периферийных позициях; во-вторых, нарушена религиозная сбалансированность, которая отличала Одессу в начале века (то есть примерно равное количество христианских церквей, причём с очень большим диапазоном протестантских церквей, иудейских и ислам-

ских общин). Подобная сбалансированность обеспечивала веротерпимость и толерантность [12, с. 190–192].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многочисленные разговоры о религиозном «возрождении» не подтверждаются. Если, конечно, иметь в виду возрождение традиционных форм религиозности. Причина этого, по нашему мнению, во внутриорганизационном кризисе традиционных церквей, и в первую очередь — православия, проявляющемся в его нетерпимости, неготовности к переменам; в том, что оно «представляет собой «закрытую» модель христианства, которая основана на традиционалистских ценностях, что может привести и приводит к активизации национализма, шовинизма, ксенофобии» [14, с. 51]; в претензии на статус государственной религии³. Мы уже говорили о том, что каждая из православных церквей, функционирующих в Украине, так или иначе, но претендует на монопольную репрезентацию всего украинского православия и на статус государственной церкви. Одно время статусом фактически государственной церкви пользовалась Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата — неканоническое, то есть незаконное с церковной точки зрения, практически никем не признанное в православном мире религиозное объединение. Когда было понято, что официальная поддержка этой церкви — дискредитация всей государственной вероисповедной политики в глазах международного сообщества, предпочтение было отдано Украинской Православной Церкви находящейся в каноническом общении с Московским Патриархатом. Эта организация — самая крупная из всех существующих в Украине на сегодняшний день религиозных конфессий. Но возникает вопрос о том, приемлемо ли придание статуса фактически государственной церкви Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата) в контексте проблемы национальной безопасности Украины? УПЦ канонически зависима от РПЦ, которая, в свою очередь, тесно связана с государственными структурами Российской Федерации, а также с политическими организациями националистического толка. Существует специальный Синодальный отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами Российской Федерации. К тому же не стоит забывать и о том, что многие священнослужители

---

³ Эти претензии проявились и во время экспертного опроса, посвящённого перспективам сближения духовного и светского образования, который осенью 2002 г. провели Благотворительный фонд «Церковно-светского согласия» (руководитель - проф. Лобазов П.К.) и Научно-исследовательский центр «Компаративистских исследований религий» (руководитель - доц. Мартынюк Э.И.) при участии автора данной статьи. Православные эксперты, среди которых были и священнослужители, наиболее активно продемонстрировали стремление занять прочные позиции в системе образования, явно ощущая себя представителями государственной церкви [10, с. 5–16].

Московского Патриархата в советское время были непосредственно связаны со спецслужбами и могут быть связаны и со спецслужбами российскими.

Не так давно на государственном уровне были предприняты определённые усилия для того, чтобы продемонстрировать равенство Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата и Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата). Это проявилось, в частности, в совместном появлении во время мероприятий, посвящённых празднованию очередной годовщины независимости Украины в августе 2004 г. президента и премьер-министра Украины, а также предстоятелей обеих церквей. Но «забытой» оказалась Украинская Автокефальная Православная Церковь, которая с не меньшим правом может претендовать на статус государственной. Этот случай ещё раз убедил в необходимости реализации принципа правового равенства всех религий, о чём нам уже доводилось писать [15]. И «якщо і є необхідною державна підтримка якої-небудь частини православ'я, так це — інформаційне забезпечення діяльності УАПЦ, що повинне, як мінімум, продемонструвати її справжню канонічність» [17, с.54].

В заключение следует вспомнить о том, что известный американский социолог Р. Белла полагает, что с возрастанием сложности социальной организации религия претерпевает эволюцию, в ходе которой она обнаруживает способность не только укреплять существующие социальные структуры, но — изменяя сложившиеся нормы и ценности — способствовать развитию общества [2, с. 267–268]. Впрочем, на наш взгляд, это способствование возможно лишь в плюралистическом, поликонфессиональном варианте функционирования религии. Полирелигиозный, поликонфессиональный характер современной религиозной ситуации — это объективная неизбежность и для украинского общества. С ней украинскому государству и всем действующим в его границах конфессиям рано или поздно придётся считаться. Тем более, что новой украинской правящей элитой провозглашён курс на интеграцию в единое европейское и североатлантическое пространство, что естественным образом усилит проникновение в Украину зарубежных, в том числе и нетрадиционных, религиозных организаций. При этом не стоит слишком опасаться «угроз» со стороны этих организаций, но поскольку процесс становления новой глобальной и, уж тем более, украинской религиозной ситуации нельзя считать завершённым, следует внимательно отслеживать тенденции её становления с целью прогнозирования и снижения возможных «рисков» в этом становлении. Особенно внимательно следует наблюдать за религиозными организациями, деятельность которых связывается с религиозным экстремизмом и терроризмом, тем более, что в настоящее время «экстремизм

стский и террористический потенциал религии может быть актуализирован и оказаться значимым для определённых религиозных групп» [16, с. 67].

1. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.
2. Белла Р. Социология религии//Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы; Под ред. Т. Парсонса – М.: Прогресс, 1972. – С. 265–281.
3. Белоконь Л. П. Трансформация религиозного сознания в независимой Украине (по материалам социологических опросов населения г. Николаева в 1992–2000 годах)//Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства: Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. – К., 2002. – С. 406–411.
4. Власенко І. За межконфесійне порозуміння в Україні//Час. 8–14 травня 1997. – С. 5.
5. Игнатий (Крекшин), игумен. Православие вселенское или национальное?/Время Церкви (Круглый стол) – специальное приложение к «Русской мысли». № 4116. 7–13 марта 1996. – С. 3.
6. Карпухина А. Г., Панков А. А. Проблемы воздействия христианских проповедей на современное украинское общество (социологический аспект)//Харьковские социологические чтения – 98. Доклады и сообщения участников. – Харьков, 1998. – С. 291–294.
7. Князева Е. В., Кунявский М. Б., Панков А. А. Некоторые особенности развития религиозной ситуации в г. Одессе//Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація на півдні України і актуальні проблеми державного управління. Матеріали регіональної науково-практичної конференції. В 2-х част. – Одеса, 1996. – Ч.2. – С. 149–150.
8. Кырлежев А., Троицкий К. Современное Российское Православие. Статья первая. Типология религиозного сознания//Континент. – Москва-Париж. – 1993. – № 75. – С. 241–262.
9. Кюнг Г. Религия на переломе времён//Мировое древо. – 1992. – № 2. – С. 63–76.
10. Лобазов П. К., Панков А. А. Перспективы сближения духовного и светского образования//Наука і релігія: Проблеми діалогу. – Вип.2. – Одеса, 2004. – С. 5–16.
11. Лычковская О. Р., Панков А. А. Методологические проблемы функционирования информированности в обыденном и религиозном сознании//Харьковские социологические чтения – 95. Доклады и сообщения участников. – Харьков, 1995. – С. 16–19.
12. Панков А. А. Религиозная ситуация в Одессе. История и современность//Одесі-200. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції.

В 2-х част.– Одеса, 1994.– С. 190–192.

13. Панков А. А. Современные трансформации религиозного сознания и религии как социального института//Проблеми розвитку соціологічної теорії. Матеріали першої Всеукраїнської соціологічної конференції.– К., 2001.– С. 218–224.
14. Панков А. А. Православная церковь и проблема национализма в контексте современных глобализационных процессов//Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету: Збірник.– Одеса: Міжнародн. гуманіт. ун-т, 2004.– Вип.1.– С. 48–51.
15. Панков А. А. Приоритетные направления государственной политики Украины в сфере религиозной жизни//Сторінки історії: Збірник наукових праць.– К.: Політехніка, 2004.– С. 162–170.
16. Панков А. А. Религиозные основы терроризма//Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. Збірник наукових праць. Вип.. № 18.– Запоріжжя: ЗДІА, 2004.– С. 59–67.
17. Панков О. А. Українська автокефальна православна церква в контексті пошуків української церковної ідентичності//II Міжнародна науково-практична конференція «Українська національна ідея: минуле, сучасне, майбутнє» (УНІ-II) (Одеса, 2004): Тези доповідей.– Одеса: Астропринт, 2004.– С. 54.
18. Рязанова Л. С. Конфликтологическая парадигма в анализе межконфессиональных противоречий и конфликтов в современной Украине//Проблеми розвитку соціологічної теорії. Матеріали першої Всеукраїнської соціологічної конференції.– К., 2001.– С. 224–229.
19. Рязанова Л. С. Миссионерская деятельность зарубежных церквей, деноминаций и сект в контексте религиозного возрождения в Украине/Соціальні технології: Актуальні проблеми теорії та практики. Міжвузівський збірник наукових праць.– Вип. 16.– Київ – Запоріжжя.– Одеса, 2002.– С. 78–85.
20. Рязанова Л. С. Миссионерские успехи протестантизма последнего десятилетия XX века в Украине в контексте социокультурной трансформации//Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства: Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції.– К., 2002.– С. 401–406.
21. Рязанова Л. С. Государственно-церковные отношения в Украине: дрейф от модели отделения к модели национальной (государственной) церкви//Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформації соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства: Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської соціологічної конференції.– К., 2003.– С. 510–514.

